

Неисповедимы пути критики. Два предыдущих романа Яхиной, «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои», были мне симпатичны – но я о них почти не писала. Если не считать упоминаний в обзорах и статьи в «Текстуре» «“Зулейха” равно “Асан” 2.0», посвященной холивару, вызванному экранизацией.

А вот оставивший меня практически равнодушной новый роман «Эшелон на Самарканд» именно поэтому вызвал желание написать о нем. Дело не в обвинениях Яхиной в плагиате у самарского исследователя Григория Циденкова. Об «Эшелоне...» невозможно говорить без упоминания конфликта, но постараюсь быть в этой части краткой и беспристрастной.

На середину марта 2021 года конфликт историка и писательницы находится в острой стадии и далек от разрешения. В «Газете.ру» 11 марта 2021 года вышла статья Марка Романова «“Украла мои работы”: историк возмутился ответом Яхиной на обвинения в плагиате». В ней собраны все претензии Циденкова к Яхиной. При этом сказано: «Историк также признался, что не ознакомился с романом полностью, однако не сомневается в заимствовании Яхиной именно из его блога – на это указывают «определенные подробности, которые Гузель не могла узнать откуда-то еще». Циденков опирается на интервью, которым писательница презентовала свой труд. В статье цитируется его обещание: «Но потом я сделаю детальный разбор всего романа, который произведу

со своими коллегами-историками <...> мы коллективно будем разбирать ее творение».

Иными словами, спор пока основан больше на подозрениях, чем на доказательствах. Тот, кто решит ответить на вопрос, заимствовала ли Яхина изыскания у Циденкова, обязан сесть за письменный стол, положив перед собой роман и все труды самарца (ведь он упоминает и свой сценарий фильма о голоде!), и сличать их на предмет обнаружения построчных текстуальных совпадений, чтобы доказать факт плагиата и его «процент». Можно запустить то и другое в систему «антиплагиат». Но, насколько я знаю, есть разные «антиплагиаты» – более щадящие и беспримерно строгие. А по словам Циденкова, у него далеко не все наработки выложены в блог. Так что, если вопрос принципиальный, лучше по старинке работать с бумагами. И смельчак, начавший сверять тексты, будет потерян для мира на долгие недели или месяцы... Такая самоотверженность не входит в мои планы. Но, возможно, упомянутый Циденковым коллектив ученых справится быстрее.

Кроме того, ранее историк сулился обратиться в суд. Если он так и поступит, то сличение текстов проведут в рамках судебного разбирательства профессиональные эксперты, суд примет решение, признавать ли факт плагиата, а обществу останется довольствоваться вынесенным вердиктом. Но, судя по финалу статьи в «Газете.ру», до суда исследователь уже не намерен доводить. Он рассуждает, возможно ли, что издательство обяжет Яхину доработать роман с учетом его фактографии и внести его имя и труды в список источников, приведенный в конце книги и сейчас не содержащий отсылок к Циденкову. И признает такую вероятность слабой. В общем, вопрос «а был ли плагиат?» не комментируем.

В пандан с плагиатом «Эшелон на Самарканд» обвиняют в исторических неточностях. Ныне это просто тренд:

кого из писателей и беллетристов еще не упрекнули в незнании истории?.. Правда, у традиции допускать в тексты исторических романов различные вольности для художественной красоты – двухсотлетние корни, заданные основоположником жанра Вальтером Скоттом. Вслед за первооткрывателем этого правила придерживались все романисты, пишущие на исторические темы. Может быть, правило не самое лучшее, но оно установилось в подлунном литературном мире. Исторический роман без вымысла и вольностей – это научная монография, которую читать станут только студенты, да и те из-под палки. А сколько монографий уличали в неграмотности и подтасовке фактов – широкая и волнующая тема, в которую вовсе не стану углубляться.

Одним из первых вольное обращение Яхиной с фактами отметил опять же Циденков: «Хотя бы пример со временем действия – 1923 годом. Если бы она открыла даже статью в «Википедии», она бы не выбрала этот год. Уже в это время голода не было. Эшелоны шли в 1921–1922 годах». Да, книга Яхиной начинается со слов: «...приказ о его формировании (санитарного поезда с пятьюстами детьми. – Е. С.) был подписан вчера, девятого октября двадцать третьего года». Вроде бы анахронизм налицо. Но уже во второй части романа «Вдвоем. Свияжск – Урмары» автор пишет, обрисовывая мотивацию командира эшелона Деева: «Деев любил жизнь и не любил смерть. ...Смерть принимала разные обличья: эпидемии, голод, лютые зимы, лютая бедность, лютый бандитизм. ...Свирепствовал голод: тридцать пять губерний – девяносто миллионов человек – который год стонали непрерывно: “Хлеба!” И пусть газеты уже докладывали робко, что голод побежден, в Поволжье знали – еще нет, и на Украине знали, и на Урале, и в Крыму».

Эта фраза – обоснование позиции автора. «КП-Самара», тоже посвятившая материал претензиям Циденкова,

приводит прямую речь Яхиной: «Сейчас многие историки расширяют “классические” даты голода в Поволжье, 1921–1922 годы. Они говорят, что голод длился с 1918 по 1923 год. Именно поэтому я намеренно использовала дату 1923 год, чтобы подчеркнуть год окончания».

Можно сказать и иначе: Яхина делает акцент на том, что не всегда историческая действительность соответствует документам. Особенно газетам. Если воспринимать газетную информацию буквально, то в период Большого террора страна была буквально наводнена различными врагами народа, которые в 1950-х годах оказались невинными и получили реабилитацию (в основном посмертно). В ФБ Константина Мильчина под постом об «Эшелоне...» один комментатор поддерживал видение автора, несколько раз повторив: голод – не каникулы, по календарю не заканчивается. Точке зрения, что репортажи о победе над голодом в СССР «опережали» реальное положение вещей, суждено оказаться непопулярной, но в таком случае это уже не грубая ошибка, а писательское представление.

Кстати, Мильчин в рецензии для портала Вуго вообще говорит о том, почему к данной книге – да и ко всем произведениям Яхиной – нельзя подходить с меркой исторического соответствия: «Яхина пишет не исторические романы. ... Жанр Яхиной – притча. Эшелон на Самарканд – это, конечно же, Ноев ковчег, а красноармеец Деев не кто иной, как Ной. При этом он и комиссарша Белая – Адам и Ева на пустой земле; среди деяний Деева постоянное присвоение всем персонажам имен и прозвищ, а это как раз работа Адама. Но Деев еще и Моисей, ведущий свой народ в Землю обетованную. ... У Яхиной густо от метафор и отсылок, так было и в предыдущих книгах, но здесь этот прием особенно ярок».

Я вижу «Эшелон на Самарканд» так же. На мой взгляд, притчевость и метафоричность этой книги виной тому,

что с нею что-то, как сейчас принято говорить, «не так». Эта история о спасении голодающих детей благодаря горю невинных и слабых должна была звучать надрывнее двух ранних книг Яхиной, где страдают взрослые, к тому же неоднозначные. Но увы: трагизма в ней столько же, сколько в советском неологизме «голдети», коим пестрит книга.

Из книг Яхиной наиболее органична в моих глазах «Зулейха». Не зря писательница говорила в интервью (<https://rg.ru/2015/11/18/yahina.html>) 2015 года, что воспользовалась для ее сюжета историей своей родной бабушки. Правда, бабушке было семь лет, когда их семью раскулачили и сослали на приток Ангары. Следовательно, судьба самой Зулейхи основана на биографиях более старших членов рода. Но это не так важно. Память рода, личная связь с глобальными событиями – мистическая и сильная вещь. Полагаю, она и водила пером Яхиной, когда та писала «Зулейху», и сообщила ее тексту какое-то особое вдохновение и эмоциональность (и то, что книга написана «картинками», как сценарий, видимо, из остроты авторских переживаний и сложилось). Тем самым меня роман о Зулейхе и впечатлил.

Вторая книга Яхиной, «Дети мои», по словам автора, была построена намеренно таким образом, чтобы как можно больше отличаться от первой. Потому она и подана не как сценарий, а как литературный текст. Потому в ней действуют не татары, а немцы Поволжья (хотя Яхина говорила, что в начале задумки был роман о татарском мальчике, попавшем в немецкую семью, – но выходило так похоже на «Зулейху», что она отказалась от этой идеи). То есть человеческая заинтересованность в изложении драмы рода сменилась заинтересованностью писателя сочинить и преподнести историю «незнакомого» ей человека.

Думаю, именно эта мотивация и сработала. Яхина придумала образ немого Якоба Баха, живущего «изнутри, ощущениями» и сочиняющего сказки. Основным ключом к этому роману автор называла мифологию и немецкие сказки. В итоге «Дети мои» напоминают сильно разросшуюся сказку братьев Гримм – а они, известно, не для детей, а для взрослых, очень жестокие и чаще всего не нравоучительные, а подобные стихийному бедствию. Так что роман о Якобе Бахе и его богоданной семье удался как страшная сказка.

Возможно, успех рассказывания романа как сказки Яхина захотела повторить и в третьей книге. Но теперь сделать эту сказку не жуткой, а назидательно-оптимистичной (что гуманно). Именно потому роман помещен в изначально сказочную условность. Помимо 1923 года, Циденков указывал на то, что эшелоны с «голдетьми» из Казани отправлялись не в Туркестан, а в Сибирь, а на Самарканд был снаряжен всего один такой поезд. Но Яхина писала не о следовании того конкретного поезда и даже не давала собирательный образ санитарных эшелонов с беспризорниками. У нее отбытие эшелона на Самарканд – типичный сказочный ход, когда героя отправляют в далекое и опасное путешествие. Как Геракла за яблоками Гесперид. Как Ивана-Царевича – за Кошечевой смертью. Или как Федота-стрельца – за тем, чего на белом свете вообще не может быть.

Исходя из мифологии, облегченной в фольклоре и иронизированной у Леонида Филатова, развивается стандартный сказочный сюжет «Эшелона на Самарканд». Из сказки, как мне кажется, взято и то, что эшелон прибывает в Самарканд с пятьюстами детьми, как и вышел из Казани, несмотря на то, что в пути голод и холера погубили много мальцов, и их имена в одном месте перечислены эдаким мартирологом. Деев со своей неверо-

ятной мягкотелостью, предметом ненависти комиссара Белой, подбирал по пути всех обездоленных детей, обещающая всех прокормить и доставить до Самарканда, – вот и оказался счет ровным. Но за этим материалистическим объяснением проглядывает сказочная реальность: то ли механизм действия живой воды, то ли целительная сила матери-Земли...

В довершение к фольклорно-сказочным мотивам роман богат отсылками к Священному Писанию. Что отлично подметила в «Медузе» Галина Юзефович: «Из реальной национальной и общечеловеческой трагедии писательница конструирует добрую сказку, позитивную притчу в условных исторических декорациях, на манер булгаковского Иешуа восклицая “все люди добрые, игемон” и от души ожидая, что читатель разделит ее просветленный оптимизм».

В это высказывание Юзефович вложила главный упрек роману по художественной части: «Эшелон...» выглядит очень «сделанным» из-за благой цели благостности, извините за каламбур. Книга сконструирована так, что бросаются в глаза не одиночество и голод несчастных детей, не гуманитарная катастрофа начала 1920-х годов и даже не отмеченная выше коллизия несоответствия действительности документам, благодатная для исторической прозы. Если бы роман Яхиной строился на том, как Деев не может найти нигде помощи, потому что голода в СССР уже официально нет, вышло бы совсем иное повествование.

Но Яхина сосредоточилась на том, что детям все кругом считают своим долгом помочь. А как иначе, если в сказках всегда так происходит? Иван-царевич целится из лука в утку, а та кричит: «Не губи меня, я тебе еще пригожусь!» – и ведь действительно, пригождается, но нескоро, а пока милосердный Иван пропускает обед.

Как обходится без добычи и, соответственно, без еды путешественник за Кощеевой смертью, сказка умалчивает. Но в романе так не получится: маленькие пассажиры поезда хотят есть. Поиск пропитания для них становится главной заботой начальника эшелона Деева и комиссара Белой – и краеугольным камнем книги. И начинают вершиться друг за другом добрые дела в совершенно сказочных коннотациях...

Чтобы босые дети добрались из детдома в эшелон, Деев выпрашивает в военной академии сапоги у кавалеристов: «Одна тысяча штук, пять сотен левых и пять сотен правых... Кавалерийский сапог был так велик, что некоторые дети могли бы поместиться в нем целиком». Командир академии (из царских офицеров) дает Дееву обувь на два часа. Но рассадка по вагонам затягивается на весь день, и Деев, как мальчишка, прячется от командира – однако тот его находит. И не только не накладывает санкций за нарушение, но и «вознаграждает» Деева двумя Георгиевскими крестами третьей и четвертой степени: «Мне уже вряд ли потребуется. А вам в пути – наверное» (кресты потом сменяют на провизию). Кавалеристы еще и одаряют детей нательными рубашками, сняв их прямо с себя на перроне, – и эти белые рубашки становятся облачениями спасаемых детей (образ прозрачен).

Эшелон отправляется в путь, и только Деев знает, что провизии в нем – кот наплакал. В ближней к Казани станции Свияжске он в отчаянии бежит... в ЧК. Не сдаваться, а просить провизию из тех излишков, что изъяты у населения и хранятся до особых распоряжений на ссыпном пункте. И чекисты, описанные как варвары, от скуки стреляющие по мухам... к утру привозят детям целый автомобиль продовольствия, в том числе живых кур (понятно, что все было добыто этой же ночью). Сверху всего этого великолепия лежит... яблоня, усыпанная зелеными

плодами. В дальнейшем от белоказаков эшелону достанется целый вагон соленой рыбы.

Если это аллюзии на символы из Священного Писания (яблоко Евы, знак Христа), то с ними автор обошлась пародийно. Одно яблочко или одна рыбина имели бы христианский смысл – но не практический, потому в тексте появляются щедрые дары, спасающие детей от голодной смерти. Вопрос, у кого они отобраны, скольких людей спасение детей, напротив, обрекло на гибель, остается «за кадром» повествования. Так в сказке выпадает из поля зрения читателя судьба «промежуточных» героев – например сестер Золушки, которые отрубили себе пятки и пальцы на ноге, чтобы надеть заветную туфельку. Сказки и евангельские притчи все время перемешиваются, не уступая места правдоподобию.

Доброта мира к несчастным детям достигает апогея в шестой части «И снова пять сотен. Казалинск – Арысь», когда поезд застревает в Голодной степи. Застревает буквально: перед ним кончаются рельсы. «Полотно под ногами обрывается – дальше чугушка не идет. Это – как? Не веря глазам, Деев падает на колени и ползет по земле, ощупывая почти вросшие в нее последние шпалы и концы рельсов... Затем еще ползет, дальше, долго, в поисках продолжения путей. Ничего не находит». Ужасный момент – в эшелоне кончились еда и вода, нет топлива и лекарств, все упования были только на близкий конец пути – и вот он недостижим!..

Но литература жестока. Всякий провал действия для художественного текста – прежде всего интересный поворот: что будет дальше?.. В этом месте мне показалось, что Яхина внезапно сменила тональность своего почти святочного рассказа и нашла мощнейший символ, перечеркивающий все предыдущие красоты. Богоборческая власть завела свой Ноев ковчег в песок, в беспутицу!..

И какую же развязку приготовил автор?.. Или развязки не будет, и в этом – трагический пафос истории?.. Именно здесь мне предстало сходство романа с поэмой Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки», которое раньше проявлялось лишь в намеках: названия глав – по железнодорожным перегонам, экстатический местами слог, библейские параллели. Но вот то, что эшелон никуда не доехал, как и Веничка, выглядело мощно. Но нет – в продолжении сюжета два этих текста разошлись в разные стороны, как поездка со стрелки.

Деев удаляется в пустыню, точно Христос. Вроде бы искать дорогу, но ясно же, насколько это неразумно... На деле у начальника эшелона нервы сдают, и он вспоминает и переосмысливает свою жизнь, исповедуясь вместо Бога фельдшеру Бугу, которого видит перед собой в мираже. В таких метаниях духовных и физических проходит четыре дня (!), и Деев попадает в плен к бандитам Буре-бека, которыми его страдал инспектор еще в Оренбурге. Тот даже не желал пропускать дальше поезд с детьми, убеждал, что Деев везет ребят на верную смерть. Начальник эшелона настоял. Неужели сейчас инспектор окажется прав, и жестокий мир покарает прекраснородного Ноя?..

Ничего подобного. Деева держат взаперти, поят-кормят, потом призывают на пир Буре-бека со сподвижниками и издеваются над ним, швыряя в него кусками мяса и показывая отрезанные головы красноармейцев. Деев тем временем проповедует им необходимость помощи детям: «Спасти сироту – богоугодное дело. Спасти пять сотен сирот – это пять сотен богоугодных дел. Когда еще тебе выпадет такой случай, Буре-бек?»

А потом его возвращают к эшелону (гирлянде, как зовут его Деев и пассажиры). Все дети живы, здоровы, вымыты и накормлены. Оказывается, буре-бекцы нашли

эшелон в песках и стали «опекать» детей, снабжать продуктами и водой. Рельсы переложили и даже командира «гирлянде» вернули!.. Это, на минуточку, басмачи (слова Яхина не произносит, но мы его помним).

Прямо говоря, то была самая неубедительная и странная глава в романе. Она настолько явно сделана ради счастливого финала, что при ее чтении катарсиса не испытываешь. Это просто конструкт. Дети уже без приключений доберутся до Самарканда, а Деев обретет счастье взаимной любви с санитарной сестрой Фатимой и новый рейс. Но в сказочном рейсе точка поставлена.

Того, кто читал написанные предшествующими поколениями книги о голоде – «Ташкент – город хлебный» Неверова, «Донские рассказы» Шолохова, главу о Помголе в «Циниках» Мариенгофа, – роман Яхиной не может растрогать и порадовать. Хотя автор очень старалась именно растрогать и порадовать. Прав подзаголовок рецензии Галины Юзефович: «Трагедию в Поволжье автор превратила в комфортную сказку». Может быть, в сказку. Может быть, в притчу. А может, и в проповедь. Но ни один из этих жанров не соответствует выбранной теме. Да простит меня «кормчий нового Ноева ковчега» Деев.